

В. БОВЫКИН*

КРАТКИЙ ОБЗОР ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI В.

С начала 90-х годов XX столетия в научном сообществе существенно повысился интерес к проблемам самоуправления по причине заинтересованности общества и государства в реформировании систем управления в стране. Развернулась широкая дискуссия о формах и системах местного самоуправления, которые наилучшим образом смогли бы вписаться в стремительно меняющийся общественно-политический уклад (иными словами – строй или режим). Научная мысль обратилась к прошлому, к традициям в попытке переосмыслить опыт, найти то полезное, что могло бы послужить нам здесь и сейчас, поскольку без реконструкции истории предмета нет шансов на плодотворную разработку его теории.¹ Особое внимание исследователей в этой связи привлекло и продолжает привлекать именно начальный этап становления Русского единого государства, время, когда формировались институты новой государственности.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы дать читателям журнала представление о наиболее важных и значимых в исторической науке работах постсоветского периода, касающихся местного самоуправления в России конца XV – начала XVI в. Для достижения поставленной цели пришлось прибегнуть к обильному цитированию, что, как кажется, позволило в должной мере раскрыть позиции современных

исследователей. Таким образом, этой публикацией автор как бы завершает микроцикл, посвященный обзору историографии обозначенной проблемы.²

Процесс объединения русских земель особенно интенсивно протекал в правление Ивана III. Под власть Московского государя переходили ранее самостоятельные, в той или иной степени независимые от Москвы, княжества и «вольные города». К владениям великого князя были присоединены княжество Ярославское (1463), Пермский край (1472), княжество Ростовское (1474), Новгородская земля (1478), княжество Тверское (1485), Вятская земля (1489). В начале XVI в. от Литвы к Москве «отошли» многие города и волости. Территория нового государства возросла многократно. Соответственно увеличилось и количество новых подданных Московского государя.

Прибирая к рукам населенные территории соседних государственных образований, московские правители одновременно «приобретали» традиции общежития и общественные уклады этих территорий. Государственная деятельность, не меняя, впрочем, в качестве приоритета внешнеполитическую сферу,³ постепенно поворачивалась лицом к сфе-

ре внутреннего управления. Перед центром стояла задача переваривать завоеванную или присоединенную периферию. Вопрос о реорганизации систем внутреннего управления неминуемо должен был встать на повестку дня с объединением отдельных княжеств вокруг единой политической столицы.⁴

Процесс адаптации вновь приобретенных территорий с адекватными этническими, конфессиональными и институциональными параметрами вполне вписывался в существующий политический дискурс. Традиции общежития и общественные уклады присоединенных земель были привычны, в целом, хорошо знакомы, видимо, по-своему ценились, но совершенно не мешали строить государство таким способом, как это понимали в Москве.

Инкорпорация Новгорода и Пскова в состав Московского государства сопровождалась ликвидацией их высших управленческих структур. Новгородская и псковская верхушки не могли не понимать, какие права заявят московские государи на свою вотчину и неизбежность последующих налоговых (в частности) и экономических (вообще) перемен. Беспокойство именно по этому поводу и зафиксировали летописи в известиях о том, что новгородцы и псковичи не знают, как великие князья «господарство свое держат», и какая она – «правда московская»⁵.

² См.: Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве в XVI в.: спорные вопросы в историографии XIX – начала XX в. // Муниципальное право. 2011. №3. С. 84-88; Советская историография о местном самоуправлении в Русском государстве XVI в. // Муниципальное право. 2011. №4. С. 61-65.

³ Кром М. М. К пониманию московской «политики» XVI века: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Время и пространство памяти. М., 2005. С. 290.

⁴ Флоря Б. Н. Центр и провинция в системе управления России (XVI-XVII вв.) // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сб. ст. памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 189.

⁵ См.: ПЛ. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 96; ПЛ. Вып. 2. С. 258; ПСРЛ. Т. 4. С. 282-288.

* Бовыкин Владимир Валентинович, аспирант кафедры истории России с древнейших времен до XX в., Исторический факультет, СПбГУ. vladimireastock@gambler.ru

¹ Мамут Л. С. Введение // Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995. С. 5.

Суть же процесса внутреннего государственного управления, как его озвучил Иван III: «Суд же будет по древнему, яко же земской обычай одержит»⁶, вопросов не вызвал, видимо, и не нуждался в дополнительных пояснениях. Уничтожив новгородский политический порядок и сломив социальный строй, на который он опирался, Москва не могла, да и вряд ли имела в виду изменять общие основания народной, хозяйственной деятельности в Новгородской земле.⁷

Многие современные историки в своих работах коснулись интересующей нас темы. Как о примере гибкого взаимодействия центральной автократической власти и местного самоуправления пишет И. Я. Фроянов о государственной деятельности Ивана III.⁸ Ю. Г. Алексеев уверен – Русское государство выросло из общины, создано как иерархическая система общин, подчиненных общеземской власти в лице государя всея Руси, к концу XV в. не было никаких противоречий между государством и общиной, более того, государство брало на себя обязанности гаранта общинных отношений.⁹ Н. Н. Покровский разделяет позицию Ю. Г. Алексеева: центральная власть, будучи не в состоянии дойти до каждой отдельной личности, должна была опираться на самоуправляющиеся структуры, первичные социальные общности, что означало их немалую роль в политической системе всей страны.¹⁰ Л. В. Милов утверждает, что фактический материал XVI в. свидетельствует о существовании общины-волости в центре России, близкой по характеру общине Северного типа, с самоуправлением, регулирующим раскладку тягла.¹¹

⁶ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 548.

⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в московском государстве XVI-XVII в. СПб., 1899. С. 60.

⁸ Фроянов И. Я. Иван III и созидание России // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 8-9.

⁹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. С. 377, 433-434.

¹⁰ Покровский Н. Н. От редактора. С. 6.

¹¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 420.

Ю. В. Кривошеев считает, что самодержавие в конце XV – начале XVI столетия не могло существовать без земства и опиралось в своем возвышении на опыт земского управления. Ученый не согласен с традицией описания в историографии XX в. противостояния власти и общества в средневековый период, указывая на преувеличение этого фактора, и предпочитает характеризовать отношения власти и общества как «мирное сосуществование».¹² «XVI век, аккумулировавший все предшествующие достижения в развитии самоуправления, явил его расцвет», – утверждает автор.¹³

В. В. Шапошник считает, что в годы правления Ивана Грозного создается более-менее стройная система центрального управления, призванная руководить и контролировать действия местных властей. Тогда же вводится местное самоуправление, выигрывали от которого не только верхи общества, но и зажиточные посадские и крестьяне, игравшие ведущую роль в самоуправлении.¹⁴

В некоторых работах тематика местного самоуправления в Русском государстве XVI в. получила более подробное освещение. А. П. Павлов утверждает, что с началом губной реформы связано зарождение органов сословного самоуправления на местах, а в результате реформ Избранной Рады уже четко обозначился процесс развития сословных прав и самоуправления, охвативший различные слои общества. Права самоуправления в той или иной степени получали духовенство, дворяне, горожане и крестьянство. Таким образом, по существу, реформы были направлены на достижение компромисса интересов государства и поднимающихся сословий. Однако этот процесс осложнялся

¹² Кривошеев Ю. В. 1) Русская средневековая государственность. СПб., 2008. С. 99, 101; 2) Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2003. С. 412-414.

¹³ Кривошеев Ю. В. О самоуправлении на Руси // Историческое познание: традиции и новации: материалы междунар. теорет. конф., Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. Ч. 1. Ижевск, 1993. С. 180.

¹⁴ Шапошник В. В. Иван Грозный. Первый русский царь. СПб., 2006. С. 7, 136.

попытками государства поставить сословно-представительные органы под контроль центральной власти. Опричнина как одна из таких «попыток», по мнению ученого, нанесла ощутимый удар по основе сословного строя – местным сословно-представительным учреждениям. Ссылаясь на исследования Ю. Г. Алексеева, автор считает, что черная крестьянская волость в центре страны в период опричнины была практически уничтожена, были серьезно ослаблены органы сословного самоуправления в городах.¹⁵

Местному управлению в русском государстве первой половины XVI в. посвящены несколько работ Т. И. Пашковой. По мнению историка, основной смысл губной реформы сводился к созданию карательных структур, замкнутых на Москву, при этом, центральное правительство не проводило целенаправленной «антинаместнической» политики, как это, по мнению Т. И. Пашковой, традиционно излагается в исторической литературе. Не согласна исследователь и с концепцией резкого обострения классовой борьбы как главной причиной реформы. По поводу системы местной администрации, о постоянном профессиональном штате которой говорить не приходится, историк уверена, что она полностью зависела от великокняжеских пожалований, базируясь на принципе кормления. Законодатель, как бы чувствуя свою ответственность, резонно стремился ограничить произвол такой администрации путем передачи сбора кормов в руки представителей местного населения – сотских и старост. Введение новых органов местного управления в первой половине XVI в. отнюдь не означало автоматическую ликвидацию старых, утверждает историк, всем хватало работы. Действуя автономно, независимо друг от друга, эти параллельные структуры, каждая по-своему, были связаны с центром, действуя по распоряжениям великого князя. Что же касается выборных от местного населения, их участие в губном деле, например, вовсе не было новше-

¹⁵ Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI века: (опричнина Ивана Грозного) // История России. Народ и власть. СПб., 1997. С. 237-243.

ством, как может показаться на первый взгляд, пишет Т. И. Пашкова. Таким образом был конституирован старый принцип участия местного населения в новых органах.¹⁶

В. А. Рогов иначе смотрит на губную реформу, называя ее «демократизацией карательной функции государства». По мнению ученого, привлечение населения к реализации этой карательной функции – явление уникальное и могло быть обусловлено слабостью карательного аппарата государства, его неотлаженностью, что, в свою очередь, было связано с процессом ускоренной централизации.¹⁷

В работах Л. В. Даниловой, посвященных сельской (черносошенной) общине средневековой Руси – главной материальной базе и массовой опоре государственной власти – уделяется внимание таким функциям общины, как самоорганизация и самоуправление. По мнению исследовательницы, выборные представители волости обладали публично-правовыми функциями, являясь одновременно низшим звеном в системе государственного территориального административного управления. Это предположение вполне соответствует мнению историка о том, что при феодализме общество и государство как отдельные феномены не существуют. Тем более, если речь идет о государственном феодализме как целостной общественной системе, обозначившейся на рубеже XV-XVI в. Поскольку черносошенные земли одновременно находились в ведении государства, общины, крестьянских семей и их объединений, то применительно к ним планомерно постановка вопроса о расщеплении землевладельческих прав, предполагает автор. Этот тезис, возможно, и приводит к выводу о дуалистическом характере местного управления (самоуправления), упомянутом выше. И не в последнюю очередь

¹⁶ Пашкова Т. И. 1) К вопросу о причинах губной реформы в 30-40-х гг. XVI в. // Феодальная Россия: новые исследования. СПб., 1993. С. 30-31; 2) Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: Наместники и волостели. М., 2000. С. 72, 76, 86, 108-109, 112-113.

¹⁷ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в русском государстве XV-XVII вв. М., 1995. С. 41, 61, 125.

потому, что вторжение государственной власти в компетенцию волости как самоуправляющегося социального организма, было не большим, чем в светское или в духовное владение. Это предположение Л. В. Данилова объясняет несовершенством, недостаточностью или слабостью государственного аппарата для постановки под контроль каждого подданного, что, в конечном итоге, и заставило государство использовать мирскую организацию в сфере управления. С другой стороны, причину неизбежности включения общин в общественную макросхему, представляемую государством, исследовательница видит в отсутствии полной самодостаточности общины, притом что характеристики и функциональные особенности общины имели соответствующий эквивалент в организации политической власти и, в целом, в общественном строе. Соответственно, староста и сотский – главы выборных сельских волостных властей, – по мнению Л. В. Даниловой, являлись одновременно представителями государственного аппарата в его низовом звене. Складывающиеся в XV-XVI в. отношения между государством и волостным крестьянством, исходя из вышесказанного, характеризуются не как отношения феодала и зависимых держателей, а как верховного сюзерена и подданных. Функцию самоуправления волости автор видит в ее внутренних делах, в отличие от государственного управления волостью, которое ограничивается организацией военного дела, финансово-податным регулированием, производством суда по уголовным преступлениям и земельным конфликтам, сбором торговых и проездных пошлин.¹⁸

¹⁸ Данилова Л. В. 1) О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации: Сб. статей. М., 1982. С. 11; 2) К вопросу о понятии «государственный феодализм» // Система государственного феодализма в России: Сб. статей. М., 1993. С. 5; 3) Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Там же. С. 74; 4) Крестьянство и государство в средневековой России // Крестьяне и власть: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., 7-8 апр. 1995. Тамбов, 1995. С. 4; 5) Сельская община в средневе-

В. И. Карпец рассматривает самоуправление как явление техническое, как один из способов управления в пределах одного и того же государственного строя. Поэтому потребность в дальнейшей централизации и усилении доверия к верховной власти, необходимость создания сильной армии и решения других общегосударственных задач – эти факторы обусловили передоверие значительной части функции местного управления местным жителям. В русской культуре того времени единство самодержавия и самоуправления, утверждает ученый, осмысливалось как образ единства мира.¹⁹ Одновременно с провозглашением России царством и огромным шагом вперед в процессе государственной централизации происходит решительный поворот в сторону самоуправления, делает интересное замечание исследователь в более ранней своей работе.²⁰

В. В. Еремян и М. В. Федоров считают, что вновь сформированные органы земского и губного управления не только не способствовали централизации государственного управления, но еще более раздробили и децентрализовали местное управление в территориальном и ведомственном отношении.²¹

Н. А. Максимова исходит из предпосылки, что система местного самоуправления – одно из важнейших звеньев государственного аппарата. Именно на укрепление этого аппарата и были направлены губная и земская реформы, впервые конституировавшие российские институты самоуправления, считает автор. Земское самоуправление не могло соперничать с самоуправлением дворянским – губным, поскольку не обладало необходимым аппаратом принуждения, а, значит, не могло оперативно

ковой Руси. М., 1994. С. 196, 232-233, 244-245, 255, 310.

¹⁹ Карпец В. И. Самоуправление в России в XVI – середине XVII в. // Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995. С. 147-158.

²⁰ Карпец В. И. Становление и развитие государственных учреждений. С. 106.

²¹ Еремян В. В., Федоров М. В. Местное самоуправление в период создания русского централизованного государства // Муниципальное право. 2000. №2. С. 68.

осуществлять политику центра, было вынуждено часто обращаться за содействием к центральной власти, и это подрывало самостоятельность новых органов, заключает исследовательница.²²

А. Н. Буров согласен с Н. А. Максимовой и добавляет: «Местное самоуправление в данный период выполняло весьма широкие функции, которые не всегда вытекали из самого его определения», и, в том числе, «...опосредствующего звена в перипетиях запутанных взаимоотношений между центральной властью и служилой бюрократией». Верховная власть и местное самоуправление не отделяют себя друг от друга, подчиняясь единому принципу служения, продолжает ученый, но инстинкт самосохранения (верховной власти) требовал держать на «коротком поводке» все звенья единого государственного целого.²³

Е. Н. Шендригин утверждает, что достаточно глубокие реформы местного управления в XVI в. стали возможны в результате совпадения интересов местных обществ с правительственными преобразовательными планами. Мирской выбор, по мнению ученого, своего рода коллективная порука, и, соответственно, выборные органы местного управления не могли сделаться исходной точкой для развития истинного общественного самоуправления. «Местные общественные союзы XVI в. были призваны к участию в управлении лишь в качестве помощника центральной бюрократии».²⁴

В работе Е. Е. Некрасова видим похожие суждения: о совпадении интересов центральной власти и местного населения, например, в упразднении кормленщиков. Независимо от изменений системы государственного управления в России практически везде существовало местное

самоуправление, в большинстве случаев выполнявшее поручения государства, делает вывод ученый и заключает мысль утверждением о слиянии функций органов государственного управления и органов общественного самоуправления в рамках приказно-воеводской системы к концу XVI в.²⁵

Специфике становления системы самоуправления в Псковской и Новгородской земле в XVI в. посвящены работы В. А. Аракчеева. Инкорпорирование Новгорода и Пскова в состав Московской Руси не привело к ликвидации органов самоуправления «низшего административного этажа», как пишет ученый, поскольку законодатели стремились сохранить опыт самоуправления городов и волостей. Тем не менее, преобразования 1550-х годов приняли характер полномасштабной реформы только в черносошренных посадах и волостях с однородной структурой населения, которое получило существенные права и привилегии.²⁶

А. Е. Мусин считает, что вытеснение высшего духовенства из регионального самоуправления в Северо-Восточной Руси (такой вывод был сделан на основании изучения переписки в 1586 г. московского правительства с Новгородским архиепископом) было связано с авторитарными тенденциями великокняжеской власти.²⁷

Выборное начало в системе государственности XVI в. занимало важное место.²⁸ Феномену выборов, как неотъемлемой час-

ти института самоуправления, целиком посвящены некоторые работы современных исследователей. В. Н. Белоновский и А. В. Белоновский пишут о выборности как о традиции и обычае, существовавших издревле на Руси. Не случайно выборы рассматривались как важнейшее «государево дело», а выборные должности – «государевой службой». Таким образом, любая выборная должность в органах земского самоуправления считалась «государевой». Институт выборности формировал не представительство самоуправляющихся общин, а представительство местного государственного управления, считают исследователи и, как подтверждение этого мнения, – «Не случайно вся система земского самоуправления подчинялась правительственному контролю, а к губным и земским грамотам прикладывались крестоцеловальные записи губных и земских старост, закреплявших их обязательства перед царем».²⁹ О разнообразных и многочисленных выборных должностях того времени пишет И. В. Минникес, утверждая, что участие в выборах для тяглых людей рассматривалось не столько как право, сколько как мирская повинность.³⁰

Как результат осознания правящей верхушкой кризисного состояния видит реформы середины XVI в. В. Д. Назаров. Ученый приписывает реформам ярко выраженный правовой и публичный характер, а их авторам – структурно-системный подход к осуществлению преобразований. Активизация локальных сословных групп и местных обществ, которые воспринимали нововведения не как новации, но как «возвращение к правильному устройству общества и власти при прежних государях», сопровождалась перераспределением функций и прерогатив в пользу центральных учреждений, заключает автор.³¹ А. Л. Хорошкевич

²² *Максимова Н. А.* Местное самоуправление России в XVI–XVII вв.: (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 3, 132.

²³ *Буров А. Н.* Местное самоуправление в России: исторические реалии и современные муниципальные образования: Дис. ... докт. ист. наук. Волгоград, 2000. С. 94, 101–105.

²⁴ *Шендригин Е. Н.* Государственная власть и местное самоуправление: историко-правовой анализ: Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1997. С. 68–69.

²⁵ *Некрасов Е. Е.* Государственная власть и местное самоуправления в России... С. 74–75, 101, 336, 337.

²⁶ *Аракчеев В. А.* 1) Местное управление в Псковской земле XVI в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион: Материалы науч.-практ. семинара, 25–27 марта 2004 г. Великий Новгород, 2006. С. 31–37; 2) Земская реформа XVI века: общероссийские тенденции и региональные особенности // Отечественная история. 2006. №4. С. 3–10.

²⁷ *Мусин А. Е.* Существовало ли в древней Руси гражданское общество? Эвристические возможности комплексного источниковедения // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Великий Новгород, 2006. С. 16.

²⁸ Институт выборов в истории России... С. 70.

²⁹ *Белоновский В. Н., Белоновский А. В.* Представительство и выборы в России: с древнейших времен до XVII века: (Теория, история, практика). М., 1999. С. 5, 134, 138.

³⁰ *Минникес И. В.* Выборы в истории Русского государства XVI–XVII вв.: историко-правовое исследование. Иркутск, 2004. С. 7, 166, 178.

³¹ *Назаров В. Д.* Государство, сословия и реформы середины XVI в. в России // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 10–21.

оспаривает мнение В. Д. Назарова о кризисе середины XVI в. и обращает внимание, прежде всего, на связь земской реформы с обеспечением финансовой базы «внешнеполитических» задач, стоящих перед страной. Реформы середины XVI в. представляются исследовательнице решением вопросов, лежащих «вне сферы внутривластных или социальных отношений», но, тем не менее, оказавших «определенное воздействие на внутреннее развитие страны».³²

«Внешнеполитическая сфера была значительно раньше осмыслена, как важнейшее поле государственной деятельности, чем сфера внутреннего управления», – поддерживает мысль А. Л. Хорошкевич М. М. Кром, представляя сфокусированность московского политического дискурса на внешней политике.³³ Общество XVI века, по мнению ученого, страшится новизны, и все изменения воспринимает с оглядкой на прошлое, поэтому возможный дискурс внутренней политики, рациональное осмысление которой в то время можно делать осторожные предположения, следует понимать следующим образом: «не реформа, а исправление по старине».³⁴ Отвергая тезис (который, как считает исследователь, стал общим местом не только в советской, но и в западной историографии) о неправом характере русской государственности, Б. Н. Миронов утверждает, что правительство всегда признавало де-факто за

³² Хорошкевич А. Л. Задачи внешней политики и реформы Ивана Грозного // Там же. С. 23-32.

³³ Кром М. М. К пониманию московской «политики» XVI века: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Время и пространство памяти. М., 2005. С. 290, 295.

³⁴ Кром М. М. Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований в России XVI века // Исторические записки. 2007. Вып. 10. С. 391.

общинами право на самоуправление.³⁵

Взаимоотношения власти и общества, их соучастие в деле построения Российской государственности, а, следовательно, местное управление и самоуправление в интересующий нас период, как видим, вновь привлекают внимание исследователей. По мнению И. Г. Шишкина, усиление интереса к истории общественного самоуправления в едином Русском государстве можно объяснить ростом сторонников концепции общинно-земской государственности на Руси и актуализацией опыта и традиций местного самоуправления.³⁶ А. Ю. Дворниченко предостерегает современных авторов (особенно сторонников концепции сословно-представительной монархии) от создания «благостных картин» взаимопонимания и взаимодействия правительства и волостных и посадских общин. Идеализация истории этих взаимоотношений, вполне понятная в либеральной историографии начала XX в., в наше время выглядит, по меньшей мере, странно, считает ученый.³⁷

Накопленный с середины XIX столетия опыт изучения данной тематики во многом способствовал прояснению проблемы происхождения и развития институтов самоуправления в Русском государстве XVI в. Большинство современных ученых разделяет точку зрения о конституировании государством в процессе так называемых «реформ» управления традиционных институтов самоуправления. Спорными остаются вопросы терминологии и адекватного описания.

³⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 426; Т. 2. СПб., 2003. С. 109.

³⁶ Шишкин И. Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV–XVI вв. (1917 – начало XXI в.). Тюмень, 2009. С. 583.

³⁷ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учебное пособие. М., 2010. С. 347.

В заключение обзора современной историографии обратим внимание на мнение А. И. Филлюшкина о необходимости новых подходов к изучению категорий политической культуры средневековой Руси для решения проблемы адекватности научного языка описания социокультурных систем и языка самоописания этих систем.³⁸ Добавим, что несколько ранее А. Л. Юрганов указывал на нетерминологичность, как особенность древнерусского языка, что затрудняет перекодировку большинства средневековых слов-понятий при помощи метаязыка науки.³⁹ Таким образом, перефразируя М. М. Крома,⁴⁰ предположим, что одной из перспективных линий изучения феномена местного самоуправления в русском государстве XVI века является изучение всего комплекса жалованных и указных грамот, включая так называемые губные и земские грамоты, уделяя особое внимание адекватности терминологии анализируемых текстов категориальному аппарату современной науки.⁴¹

³⁸ Филлюшкин А. И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2009. Вып. 2. С. 7.

³⁹ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 25. – Это утверждение не помешало, тем не менее, ученому предположить, что алгоритм отношения средневековых людей к государству не содержал в себе явно выраженной политической функции, а идея о сильной государственной власти отвечала нормам мифологического представления об особой роли великого князя или царя в жизни каждого православного человека (Там же. С. 439).

⁴⁰ Кром М. М. Творческое наследие Н. Е. Носова и проблемы изучения губной реформы XVI в. // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сб. статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 57.

⁴¹ Филлюшкин А. И. Московская неонатальная империя... С. 8.

*Чтобы писать историю достойным образом,
надо забыть о своей вере, своем отечестве, своей партии.*

П. Буаст